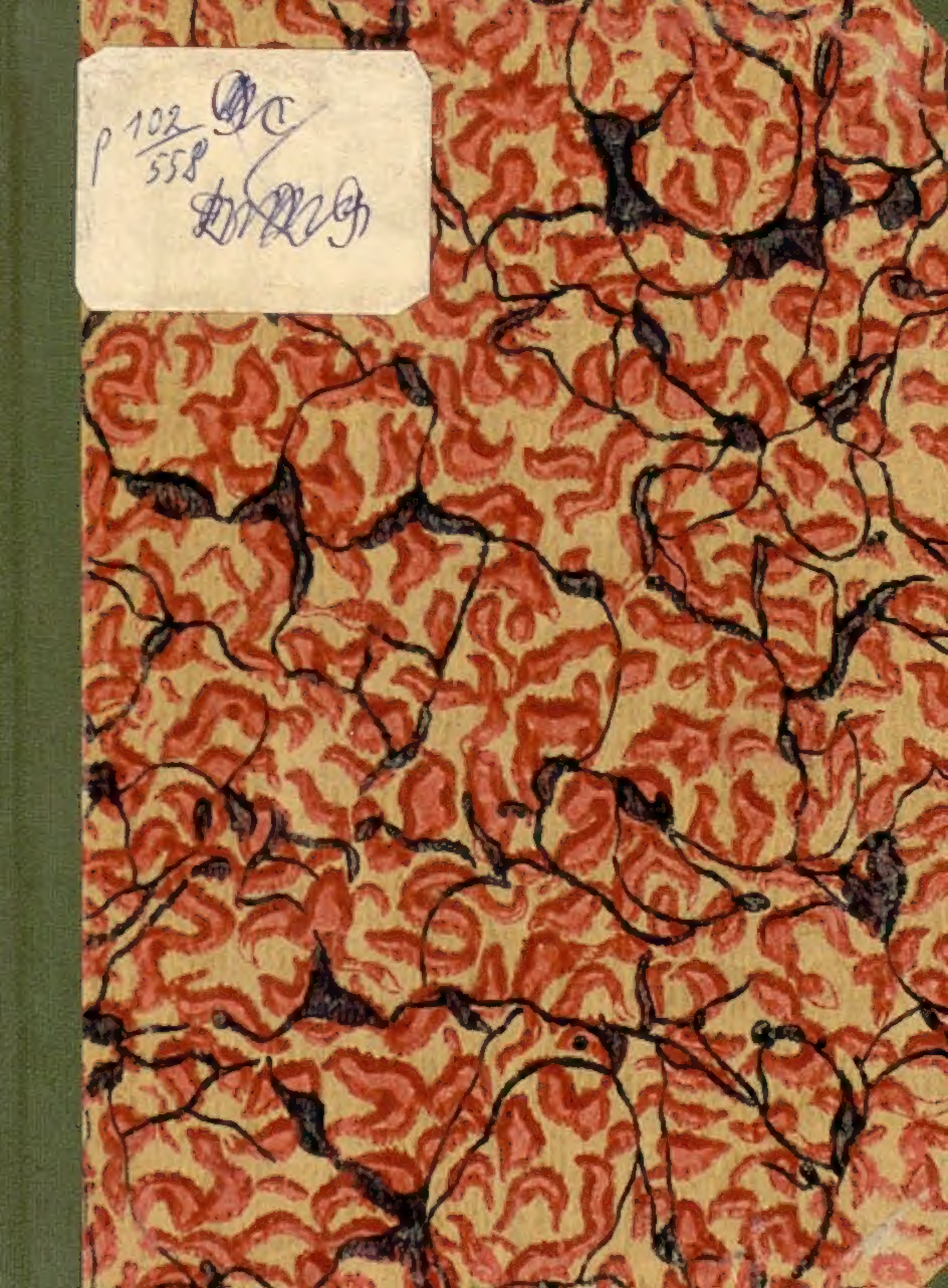
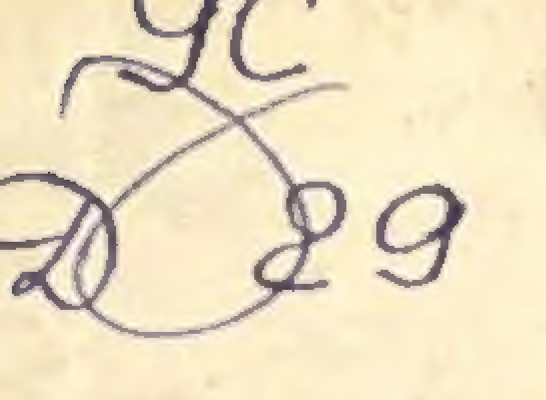
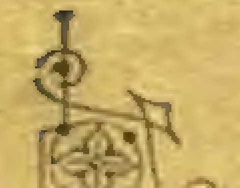

P 102/558

ДѢЛО
О
КНЯЗѢ УРУСОВѢ

Обвинявшемся въ жестокомъ обращеніи съ своимъ сыномъ.

МОСКВА.
Типографія Н. Н. Мышкина. Твер. бульв. д. Полякова.
1873.

ДѢЛО

о

КНЯЗѢ УРУСОВѢ

ОБВИНЯВШЕМСЯ ВЪ ЖЕСТОКОМЪ ОБРАЩЕНІИ СЪ СВОИМЪ СЫНОМЪ.

(Стенографическій отчетъ о засѣданіи Костромскаго окружнаго суда 5-го Мая 1873 г.).

МОСКВА.
Типографія И. Н. Мышкина. Твер. бульв. д. Полякова.
1873.

Дозволено Цензурою. Москва. Мая 16-го 1873 года.

ДѢЛО
о
КНЯЗѢ УРУСОВѢ.

Обстоятельства этого дѣла разсматривавшагося въ Костромскомъ Окружномъ судѣ 5-го Мая сего 1873 года, по обвинительному акту заключаются въ слѣдующемъ:

29-го Іюля 1872 года, проживающій въ г. Костромѣ, Коллежскій Регистраторъ князь Кириллъ *Урусовъ* подалъ въ полицейское управленіе объявленіе о томъ, что 16-ти-лѣтній сынъ его Всеволодъ, отлучась изъ дому, неизвѣстно гдѣ скрывается. Полиціей сдѣлано было распоряженіе о розыскахъ Всеволода Урусова и тогоже 29-го числа полицейскій служитель Голубовскій нашелъ его молящимся въ одной изъ церквей пригородной слободы, что за рѣкою Волгою. Онъ пригласилъ его идти къ родителямъ, но мальчикъ не согласился, говоря, что отецъ его бьетъ и не кормитъ. Такъ какъ родители Урусова

не приняли его къ себѣ, выгнали его вмѣстѣ съ Голубовскимъ, то мальчикъ и былъ помѣщенъ во 2-ю полицейскую часть. Здѣсь онъ разсказалъ, что ушелъ отъ отца, избѣгая крайне жестокаго его съ нимъ обращенія. Когда вслѣдствіе распоряженія Предводителя Дворянства, князь Кириллъ Урусовъ вызванъ былъ въ Полицейскую часть, чтобы взять сына, то послѣдній до тѣхъ поръ не могъ успокоиться, пока отецъ не ушелъ. Полицейскимъ дознаніемъ дѣйствительно обнаружены были такія обстоятельства, которыя вполнѣ подтвердили разсказъ Всеволода Урусова о причиняемыхъ ему отцемъ побояхъ и истязаніяхъ; почему Прокуроръ Окружнаго суда предложилъ судебному слѣдователю провѣрить обстоятельства эти слѣдствіемъ и князь Кириллъ Урусовъ привлеченъ былъ въ качествѣ обвиняемаго. Виновнымъ онъ себя однако ни въ чемъ не признавалъ, объяснивъ слѣдующее: сынъ его Всеволодъ, съ самой ранней молодости, отличается крайне испорченною нравственностью и домашнія мѣры наказанія, которыя онъ, обвиняемый, дозволялъ себѣ по праву родителя, нисколько его не исправили. Шалостямъ его нѣтъ

конца. Не ограничиваясь тѣмъ, что онъ распродавалъ тряпичникамъ и мальчишкамъ всякую одежду, которая для него нашивалась, онъ постоянно уходилъ изъ дому за сборомъ подаянія, занимался мелкимъ воровствомъ и однажды, когда они жили за рѣкою Волгою, въ пригородной слободѣ, покусился имѣть блудъ съ собакою. Происшествіе это надѣлало тогда много шуму, такъ что ему, обвиняемому, съ трудомъ удалось не доводить дѣла до жалобъ. Не смотря, однако, на такое поведеніе сына, онъ окруженъ былъ возможною заботливостью какъ со стороны его, обвиняемаго, такъ и состороны жены его, а Всеволода мачихи,—княгини Маріи Урусовой. Одежда давалась ему сообразно времени года, ѣлъ онъ сытно и спалъ онъ на постели, снабженной всѣми нужными принадлежностями.

Между тѣмъ добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ данныя ни чѣмъ не подтвердили, чтобы Всеволодъ Урусовъ былъ такой испорченной нравственности, какимъ обрисовалъ его отецъ. Напротивъ изъ показанія свидѣтелей, знающихъ семейство Урусова издавна, выяснилось, что Всеволодъ Уру-

совъ мальчикъ добрый, ласковый, скромный и всегда услужливъ. Изъ за куска хлѣба онъ готовъ исполнить всякое порученіе и исполнить его вѣрно, но онъ забитый и, кажется, отъ этого тупоумный. Дурныхъ наклонностей ни кто за нимъ не замѣчалъ, воровствомъ онъ не занимался, а если и стащитъ кусокъ хлѣба, такъ развѣ съ голоду у себя дома. Чтобы продовалъ онъ съ себя одежду — этого ни кто не видалъ. По объясненію свидѣтеля Сирина и быть этого не могло: если бы Всеволодъ продавалъ одежду, то остался бы голый, такъ какъ одежда его состояла только изъ рубахи и портовъ.

Наконецъ свидѣтели крестьянинъ Ахапкинъ и полицейскій служитель Голубовскій, проживавшіе въ подгородной слободѣ въ одно время съ Урусовымъ и хорошо знающіе его семейство, удостовѣрили, что никогда такого случая не было, чтобы Всеволодъ Урусовъ, какъ говоритъ его отецъ, покушался на блудъ съ собакою. Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ выяснены слѣдующія данныя относительно ранней молодости Всеволода Урусова, жизни его въ родительскомъ домѣ и обращенія съ нимъ его отца.

Всеволодъ Урусовъ родился въ 1856 году и прижитъ Княземъ Кирилломъ Урусовымъ отъ перваго брака его съ дѣвицею Евдокіею Сытиною.

Вынужденная дурнымъ обращеніемъ мужа Княгиня Евдокія Урусова, вскорѣ послѣ рожденія сына, вмѣстѣ съ нимъ переѣхала къ отцу своему Сытину. Она передавала матери своей Вассѣ и сестрѣ Аннѣ Сытинымъ, какъ однажды мужъ ее выбросилъ ребенка Всеволода изъ колыбели, послѣ чего съ нимъ сдѣлался какой-то припадокъ. Послѣ рожденія сына, Княгиня Евдокія Урусова прожила еще не долго и умерла отъ чахотки въ частной больницѣ одного помѣщика, куда была принята изъ милости. Всеволодъ остался въ семействѣ Сытиныхъ, гдѣ пользовался хорошимъ уходомъ, какъ близкій родственникъ; но вскорѣ отецъ потребовалъ его къ себѣ. Во второй бракъ Кириллъ Урусовъ, какъ онъ самъ объясняетъ, вступилъ лѣтъ черезъ семь послѣ смерти первой жены. Изъ его показанія и показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей нужно предположить, что это было въ 1868 году. Родственникъ Урусовыхъ Коллежскій Регистраторъ

Ратьковъ, удостовѣряетъ, что съ этого времени онъ вынужденъ былъ прекратить всѣ сношенія съ Урусовыми, такъ какъ постоянное пьянство его и его жены были нестерпимы.

Самъ обвиняемый не отрицаетъ того, что онъ имѣетъ слабость къ горячимъ напиткамъ.

Въ 1869 году обвиняемый съ своимъ семействомъ, въ теченіи семи мѣсяцевъ, проживалъ въ домѣ крестьянина Ахапкина, которому, такимъ образомъ близко была извѣстна жизнь Урусовыхъ. Ахапкинъ удостовѣряетъ, что трезвые дни составляли рѣдкое исключеніе въ ихъ жизни. Присмотру за сыномъ ни какого не было. Не смотря на зимнее время, вся одежда его состояла изъ рубашки и портовъ, заношенныхъ до того, что они покрывались вшами. Пища давалась ему самая скудная. Жаль было на него смотрѣть, какъ онъ голодный дрожалъ на морозѣ; а между тѣмъ князь постоянно посылалъ его въ кабакъ, и если онъ не приносилъ водки, билъ чѣмъ попало, сучковатой палкой, или даже полѣномъ.

Для спанья у Всеволода Урусова ни какой постельки не было; по выраженію свидѣтеля,

онъ спалъ, свернувшись въ клубокъ какъ собака. Такую же характеристику жизненной обстановки Всеволода Урусова даетъ и свидѣтель Голубовскій, въ участкѣ котораго въ означенное время проживали Урусовы. Онъ удостовѣряетъ, что Всеволодъ Урусовъ, вынуждаемый голодомъ, собиралъ въ видѣ подаянія, куски хлѣба. Очень часто отецъ не пускалъ его къ себѣ ночевать. Не разъ случалось ему, свидѣтелю, встрѣчать Всеволода ночью на морозѣ полуодѣтымъ; а когда приводилъ его къ отцу, то отецъ билъ его чѣмъ попало. Однажды онъ поднялъ Всеволода въ полуокоченевшемъ состояніи подъ окнами его квартиры, а когда ввелъ въ комнаты, то отецъ пустилъ въ него полѣномъ. Проходя мимо ихъ квартиры, часто можно было слышать крики ребенка отъ наносимыхъ ему побоевъ. Такая жизнь постояльцевъ, объясняетъ Ахапкинъ, ему надоѣла и онъ отказалъ имъ отъ квартиры. Отъ Ахапкина Урусовъ, съ женой, сыномъ Всеволодомъ и пріемышемъ жены, крестьянскимъ мальчикомъ Иваномъ Ѳефимовымъ, переѣхалъ въ городъ. Отсюда Всеволодъ Урусовъ не рѣдко прибѣгалъ къ дядѣ свое-

му Ратькову. По поводу этого Ратьковъ объясняетъ, что онъ всегда ужасался, какъ мальчикъ выдерживаетъ зимнюю стужу: приходилъ онъ всегда голодный и жаловался на постоянные побои, наносимы ему отцемъ. Иванъ Ефимовъ, повторяя изложенныя выше подробности, подтверждаетъ, что ихъ обоихъ князь билъ постоянно, но Всеволоду доставалось болѣе: побои наносились ему безъ всякой причины, бывало князь свяжетъ ему руки да и „дуетъ“.

Свидѣтельскими показаніями солдатки Александры Царевой, дьячка Василія Сирина и мѣщанки Татьяны Таракановой не менѣе характерно рисуется та жизнь, которую проводилъ Всеволодъ Урусовъ въ домѣ своего отца, терпя отъ него не только всевозможныя лишенія, но и подвергаясь побоямъ и истязаніямъ.

Означеннымъ лицамъ извѣстна была обстановка, окружавшая Всеволода Урусова, съ того времени, какъ они переѣхали изъ пригородной слободы: у Сирина и Таракановой Урусовъ нанималъ квартиру, а Царева сначала была у него въ услуженіи, когда же онъ купилъ свой домъ, то жила у не-

го постоялкой. По замѣчанію Сирина обращеніе отца со Всеволодомъ было до крайности возмутительное, а по словамъ Таракановой—его „просто тиранили". Били его ежедневно безъ разбора; свяжутъ руки назадъ и дуютъ чѣмъ попало.—Иногда сутокъ по трое не кормили. Ласки отъ отца Всеволодъ ни когда не видалъ, а щипки и брань постоянно. Отъ побоевъ и стягиванья ремнемъ на рукахъ у мальчика оставались багровыя пятна: „Такъ не бьютъ и собаку, какъ били его" прибавляетъ Сиринъ. Холодъ и голодъ онъ терпѣлъ постоянно; одежды у него никакой небыло а кормили всегда въ проголодь и за отдѣльнымъ столомъ.

Иногда мачиха, въ тихомолку отъ отца, сунетъ Всеволоду кусокъ хлѣба; но если Князь это замѣтитъ, то отнимаетъ хлѣбъ у ребенка и бросаетъ собакѣ. Питался вообще Всеволодъ, какъ питаются обыкновенно собаки: удастся у кого нибудь урвать кусокъ хлѣба, такъ и ладно, а больше кормили его ради христа. Объ жизни Урусовыхъ,—прибавляетъ свидѣтель Сиринъ,—можно сказать одно, что еслибы все записывать, то не мало-бы пришлось исписать бумаги.

По единогласному отзыву всѣхъ свидѣтелей Всеволодъ Урусовъ отличается крайнимъ неразвитіемъ какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, далеко не соотвѣтствующемъ шестнадцати-лѣтнему его возрасту. Такой отзывъ объ немъ подтвердился при самомъ бѣгломъ наблюденіи надъ нимъ въ то время, когда онъ помѣщался въ Полицейской части. Что касается его костюма, то въ означенное время онъ состоялъ изъ худой холщевой рубахи и такихъ-же портовъ; босикомъ, безъ пояса и даже безъ креста. Тѣло его грязное, какъ у послѣдняго нищаго уличнаго мальчишки.

18-го Октября Судебнымъ Слѣдователемъ были приглашены врачи, которые, по предъявленіи имъ Всеволода Урусова, пришли къ заключенію, что на видъ ему нельзя дать болѣе 10 или 11 лѣтъ и что онъ находится въ идіодическомъ состояніи. Врачи высказали мнѣніе, что если на основаніи добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ, и нельзя съ положительностію опредѣлить, есть-ли идіотизмъ Урусова прирожденный или пріобрѣтенный, то, съ другой стороны, нельзя отрицать того, что еслибы воспитаніе его шло правиль-

вымъ порядкомъ, не сопровождалось жестокимъ обращеніемъ, нищенской обстановкой, скудностью средствъ къ защитѣ тѣла и къ надлежащему питанію, то идіотическое его состояніе непремѣнно должно было улучшиться и изъ Всеволода Урусова могъ бы образоваться полезный членъ семьи и общества.

„Соображая вышеизложенныя обстоятельства, говорится въ заключеніе обвинительнаго акта, нельзя не прійдти къ тому заключенію, что вполнѣ доказанное жестокое обращеніе князя Кирилла Урусова съ своимъ сыномъ Всеволодомъ, тотъ рядъ насильственныхъ дѣйствій, которыя постоянно проявлялись въ обращеніи его съ сыномъ, соотвѣтствуютъ законамъ установленному понятію о преступленіи, именуемомъ причиненіемъ истязаній и мученій, подвергая его отвѣтственности по 1489, 1490 и 1492 ст. Улож. о наказ. (рѣш. Угол. Деп. Прав. Сен. 1869 года №№ 552 и 875). По сему отставной коллежскій регистраторъ Князь Кириллъ Михайловъ Урусовъ, 48 лѣтъ, преданъ суду Костромскаго Окружнаго Суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Подсудимый во время производства предварительнаго слѣдствія по настоящему дѣлу содержался подъ арестомъ.

На обычный вопросъ *предсѣдателя* *), признаетъ ли онъ себя виновнымъ *подсудимый* отвѣтилъ: „могутъ ли представить основательные факты на это?“

Предсѣдатель. Я спрашиваю васъ объ одномъ, признаете ли вы себя виновнымъ или нѣтъ?

Подсудимый. Не признаю положительно ни въ чемъ.

Судебное слѣдствіе началось допросомъ сына подсудимаго, Князя Всеволода Урусова. Достаточно одного взгляда на его неловкія, угловатыя движенія и на безсмысленное выраженіе его лица съ тою особенною улыбкою, которая свойственна только идіотамъ, чтобы убѣдиться, что вы имѣете предъ собою человѣка съ ненормальными умственными способностями. Онъ ни на минуту не остается въ спокойномъ положеніи: то озирается по сторонамъ, то потягивается, то опирается на столъ и шалитъ ногою, то почесываетъ въ затылкѣ

---

*) Предсѣдатель членъ суда *Эперсонскій*, обвинялъ Товар. Прокуроръ *Чернявскій*, защищалъ Помощникъ присяжнаго повѣреннаго *Васильевъ*.

или ковыряетъ въ носу. Въ ближайшей церкви заблаговѣстили ко всенощной и Всеволодъ Урусовъ громко, на все зало, во время продолженія судебнаго засѣданія, произноситъ: „вонъ колокола гудятъ": забилъ барабанъ и Всеволодъ опять не можетъ удержаться чтобы ни сказать: „барабанъ бьетъ." Физически онъ такъ слабо развитъ, что несмотря на 16-ти лѣтній возрастъ, ему можно дать ни болѣе 10 лѣтъ; лице и руки его имѣютъ тотъ желто-грязный цвѣтъ, который замѣчается обыкновенно у уличныхъ мальчишекъ, не знающихъ за собою ничьего ухода; одѣтъ онъ въ совершенно новый сюртукъ поверхъ рубашки на выпускъ, подолъ которой не вполнѣ закрытъ болѣе короткими полами сюртука. Остальная часть его костюма также по видимому только что сшита и вся эта новая одежда какъ то не ловко сидитъ на немъ; видно, что онъ не привыкъ къ ней и движенія его шеи показываютъ, что онъ не успѣлъ еще освоиться съ воротникомъ сюртука.

Предсѣдатель (обращаясь къ Всеволоду Урусову.) Желаете ли вы отвѣчать на вопросы, которые будутъ вамъ предложены? Если по чему нибудь не желаете, то такъ и скажите.

Всеволодъ Урусовъ (идіотски улыбаясь) отца прощаю.... Богъ съ нимъ, я обижать его не стану. (Подсудимый смотритъ на сына съ ироническои улыбкой).

Предсѣдатель. Желаете ли вы показывать о чемъ васъ спросятъ или нѣтъ?

Всеволодъ Урусовъ. (Смотритъ въ землю и говоритъ шепотомъ). Онъ держалъ меня съ собакой на цѣпи.... вмѣстѣ съ собакой кормъ давалъ.... кнутомъ жарилъ.... билъ меня.

Тов. Прокурора. Теперь вы у кого живете?

Всеволодъ Урусовъ. У Ратькова. *В.* Почему же не у матери? *О.* Мать не хочетъ. *В.* А къ отцу вы хотите перейдти жить? *О.* Нѣтъ. *В.* Почему не хотите? *О.* Бьетъ. *В.* Вѣрно ли вы говорите, что онъ бьетъ васъ, можетъ быть вамъ такъ кажется? *О.* Ей Богу бьетъ. *В.* Чѣмъ онъ билъ васъ? *О.* Розгой, плетью, палкой. *В.* Палка толстая была? *О.* Да. *В.* Будетъ такой толщины, какъ ваша рука? *О.* (Посмотрѣвъ на руку) Будетъ. *В.* По какому мѣсту онъ билъ васъ? *О.* По спинѣ, почемъ попало. *В.* За что билъ? *О.* Пьяный напьется и драться лезетъ. *В.* Безъ всякой причины? *О.* Да. *В.* Можетъ быть чѣмъ сердили его? *О.* Нѣтъ. *В.* Вы помните какъ жили на той

сторонѣ у Ахапкина? *О.* Помню. *В.* Давно это было? (свидѣтель молчитъ). Вы знаете какой теперь годъ? *О.* Незнаю какой годъ. *В.* Вы знаете, что годъ называется 72-й, 73-й. *О.* Нѣтъ. *В.* Долго ли вы жили у Ахапкина? *О.* Долго. *В.* Сколько мѣсяцевъ? *О.* Два. *В.* Не семь ли? *О.* Два. *В.* Что больше 7 или 2. *О.* Два больше. *В.* Вы счетъ знаете? *О.* Нѣтъ. *В.* Вы помните какъ ваша мать уѣзжала въ Москву? *О.* Помню. *В.* Вашъ отецъ тогда много пилъ? *О.* Билъ много. *В.* Не билъ, а пилъ, пьянствовалъ? *О.* Пьянствовалъ. *В.* Непосылалъ ли онъ васъ куда нибудь? *О.* Посылалъ закладывать вещи. *В.* Куда? *О.* Въ кабакъ. *В.* Что вы ему и водку приносили? *О.* Приносилъ. *В.* Часто ли? *О.* Нѣсколько разъ въ день *В.* Въ чемъ вы приносили водку? *О.* Въ косушкѣ. *В.* Вы знаете что такое косушка? *О.* Полная косушка водки (смѣется) *В.* Значитъ вы уже много косушекъ видѣли? *О.* Много. (опять смѣется). *В.* Не билъ ли васъ отецъ, если вамъ безъ денегъ не давали водки? *О.* Билъ. *В.* Не помните ли вы какъ полицейскій солдатъ Голубовскій, ночью, поднялъ васъ на улицѣ со снѣгу и привелъ къ отцу? *О.* Помню. *В.* Какъ это было? *О.* Въ рубаш-

къ замерзъ.... отецъ вытолкалъ. *В.* За что вытолкалъ? *О.* Пьяный напился, вытолкалъ. *В.* Это зимою было? *О.* Зимою. *В.* Въ чемъ вы были одѣты? *О.* Въ одной рубашкѣ. *В.* А на ногахъ было что нибудь? *О.* Ничего не было, холодно такъ было, я очень озябъ. *В.* Отецъ васъ принялъ когда Голубовскій привелъ васъ? *О.* Прибилъ. *В.* Чѣмъ? *О.* Палкой. *В.* Онъ гдѣ тогда находился? *О.* На печкѣ съ собачкой. *В.* Вы это хорошо помните? *О.* Хорошо. *В.* А помните ли вы какъ жили въ части? *О.* Помню. *В.* Васъ привелъ туда Голубовскій? *О.* Да. *В.* Гдѣ нашелъ онъ васъ? *О.* Въ церкви. *В.* За чѣмъ вы были въ церкви? *О.* Богу молился. *В.* Вы умѣете молиться? *О.* умѣю.... вотъ (крестится). *В.* А молитвы знаете? *О.* Знаю. *В.* Прочитайте какую нибудь молитву. (Всеволодъ Урусовъ читаетъ Богородицу, пропуская нѣкоторыя слова). Кто научилъ васъ этой молитвѣ? *О.* Дядинька. *В.* А до того времени какъ стали жить у дядиньки знали ли вы какую нибудь молитву? *О.* Нѣтъ. *В.* А въ церковь вы все таки ходили? *О.* Да. *В.* Значитъ вы стояли только и крестились, не читая ни какихъ молитвъ? *О.* Да. *В.* Какая служба шла въ то

время, когда васъ нашелъ въ церкви Голубовской? (*молчитъ*). Вы знаете какія церковныя службы бываютъ, что утромъ бываетъ обѣдня, вечеромъ всенощная? *О*. Нѣтъ *В*. Платье которое теперь на васъ, кто сшилъ? *О*. Дядинька. *В*. Нравится оно вамъ? *О*. Нравится. *В*. Прежде вамъ случалось носить такое хорошее платье? *О*. Нѣтъ не случалось. *В*. Не закладывали ли вы въ кабакѣ или не пропивали ли своихъ вещей? *О*. Нѣтъ. *В*. А какія вещи закладывать посылалъ васъ отецъ? *О*. Сюртуки, штаны.... *В*. Чьи это были вещи? (свидѣтель что то шепчетъ такъ тихо, что ничего не слышно). *Предсѣдатель*. Говорите громче! *О*. Тятинька разсердится. *Предсѣдатель*. Не разсердится, говорите громче, не бойтесь! *О*. Отца—а. *Прокуроръ*. Вы знаете, что это судъ называется? (свидѣтель молчитъ). Не случалось ли вамъ слышать, что есть судъ на свѣтѣ, что людей судятъ? *О*. Нѣтъ не слыхалъ. *В*. А мировыхъ судей не видѣли? *О*. Я только въ части бывалъ.

Защитникъ. Вы прежде въ какой деревнѣ жили? *О*. У дѣдушки и у бабушки. *В*. Они хорошо жили? *О*. У нихъ въ деревнѣ свой домъ былъ, лошади были. *В*. Васъ тамъ учи-

ли чему нибудь? *О*. Нѣтъ ни чему. *В*. Не собирали ли вы тамъ милостыню? *О*. Собиралъ. *В*. Зачѣмъ вы собирали? *О*. Ѣсть.... у дѣдушки своего хлѣба не было, я и собиралъ. *В*. Что же васъ дѣдушка не кормилъ? *О*. Да. *В*. Теперь вы собираете милостыню? *О*. Нѣтъ, слава-те Господи. *В*. Вы въ какой одеждѣ ходили у дѣдушки? *О*. Въ худой шубѣ. *В*. А на ногахъ что было? *О*. Лапти. *В*. Дѣдушка пилъ вино? *О*. Нѣтъ. *В*. У дѣдушки васъ били? *О*. Нѣтъ. *В*. Когда васъ привезли отъ дѣдушки къ отцу, то вы помните, какъ васъ опредѣлили въ пансіонъ, въ училище? *О*. Помню. *В*. Вамъ отецъ тогда сшилъ хорошее платье? *О*. Сшилъ. *В*. А въ чемъ вы пріѣхали отъ дѣдушки? *О*. Въ худой шубѣ и въ рубашкѣ. *В*. Вамъ сколько лѣтъ? *О*. 17. *В*. Въ Костромѣ вы собирали милостыню? *О*. Нѣтъ. *В*. Ни разу? *О*. Ни разу. *В*. Вашъ отецъ часто напивался пьянымъ? *О*. Нѣтъ не часто. *В*. Онъ пилъ когда-нибудь? *О*. Теперь онъ не пьетъ. *В*. А прежде пилъ? *О*. Нѣтъ никогда не пилъ. *В*. Въ кабакъ за водкой вы ходили? *О*. Нѣтъ. *В*. Вещи вы закладывали? *О*. Нѣтъ.

Подсудимый. (Строгимъ повелительнымъ голосомъ). Какъ ты, братецъ, привезенъ былъ

отъ дѣдушки, въ чемъ былъ одѣтъ, въ чемъ я тебя взялъ? *Всеволодъ Урусовъ* (тихо, едва слышно) въ одной рубашкѣ. *В.* Я тебя привезъ или привелъ? *О.* Привезли на лошадкѣ. *В.* Я покупалъ тебѣ сначала конфекты и игрушки? *О.* Покупали. *В.* Сперва я тебя по головкѣ гладилъ.... тебѣ знакомъ вотъ этотъ ремень, который я постоянно ношу (показываетъ конецъ ремня), знаешь его? *О.* Знаю. *В.* За что я наказывалъ тебя! *О.* Больно шалилъ. *В.* Помнишь какъ ты спицу утащилъ у дѣвушки, которая жила у насъ на верху? *О.* Я не таскалъ. *Подсудимый.* А я только деньги за тебя отдавалъ, рубль серебромъ.... Сознавалъ ли ты когда-нибудь себя виновнымъ, просилъ-ли у отца прощенія, когда нашалишь? *О.* Нѣтъ, никогда. *В.* Прекрасно. Какіе подсвѣчники ты утащилъ у жида Кана? *О.* Я ни какихъ подсвѣчниковъ не таскалъ. *В.* А за чѣмъ ты отпоролъ рукава у дубленой шубки. *О.* Худы были. *Подсудимый.* Нѣтъ ни худы, они теперь цѣлы.... Передъ тѣмъ, какъ ты въ послѣдній разъ убѣжалъ изъ дома, что ты сдѣлалъ? (Всеволодъ молчитъ). Какія ты деньги взялъ у мамаши изъ кармана ночью? (*молчитъ*).

Ты катался на извощикѣ, ѣлъ рыбу въ трактирѣ „Вѣна“.... Ты съ деньгами убѣжалъ, потому что зналъ, что отецъ за это не будетъ гладить по головкѣ,—кто воруетъ, тотъ въ острогѣ сидитъ, а я вотъ и не воровалъ да сижу, ну да это въ сторону. Ты бросилъ это, или думаешь такимъ же остаться? Куда ты дѣвалъ голенища, которыя отрѣзалъ отъ сапогъ Александры Царевой?... Ты говоришь, что былъ голъ, а гдѣ твои брючки, гдѣ лѣтнее пальто? Куда ты дѣвалъ сапоги? *О.* Утащили. *В.* Кто утащилъ? *О.* Мальчишки. *Подсудимый.* Я тебѣ новые полусапожки сдѣлалъ, а ты ихъ за ворота бросилъ.... а что ты дѣлалъ съ собакой на Спаскомъ, чему тебя училъ дѣдушка съ маленькою дѣвченкою Варюшкою? или забылъ? *О.* Забылъ. *В.* Кому ты отдалъ серебряную мою папиросницу? *О.* Никому.

Подсудимый. Однимъ словомъ, я долженъ сказать, что надобно было имѣть терпѣніе....

Предсѣдатель остановилъ подсудимаго замѣчаніемъ, что всѣ свои объясненія онъ долженъ отложить до окончанія допроса свидѣтеля.

Прокуроръ. Всеволодъ! Я вижу вы теперь какъ будто испугались, пріуныли, не бой-

тесь вы здѣсь безопасны. Вы разсказывали этому господину (указывая на защитника), какъ вы пріѣхали отъ Сытина къ отцу. Это вы сами помните или разсказывалъ кто-нибудь другой? *О.* Самъ помню. *В.* Значитъ вы помните покойнаго дѣдушку? *О.* Помню. *В.* У него была своя деревня? *О.* Была деревня. *В.* Вы не знаете почему вы жили у него? *О.* Я тамъ родился. *В.* Это вамъ кто нибудь разсказывалъ или вы такъ думаете? *О.* Меня тамъ родили. *В.* Вы сами помните, какъ васъ родили? *О.* Самъ помню.

Защитникъ. Здѣсь васъ отецъ не можетъ бить, ни кто не будетъ бранить васъ и потому не бойтесь, говорите правду.. Вы бывали въ какомъ нибудь трактирѣ? *О.* Бывалъ. *В.* Въ какомъ? (Всеволодъ молчитъ). Когда нибудь вы ѣздили одинъ на извощикѣ? *О.* Ѣздилъ. *В.* Вы извощику деньги платили? *О.* Да. *В.* Гдѣ вы взяли эти деньги? *О.* Насобиралъ въ лавкахъ. *В.* Насобирали здѣсь въ Костромѣ? *О.* Здѣся. *В.* Не брали ли вы у мамаши денегъ? *О.* Не бралъ.

Подсудимый. Онъ какъ только родился былъ отданъ мною къ тестю, такъ какъ я не имѣлъ средствъ содержать его. Тамъ

онъ прожилъ лѣтъ до 8-ми. Пріѣзжая неоднократно туда, я замѣчалъ въ дѣтищѣ дурныя наклонности и если я останавливалъ его отъ шалостей, то свояченицы таскали меня за волосы, колотили кочергой. Онѣ показывали ему разныя гадости, о которыхъ мнѣ даже стыдно говорить на судѣ. Его посылали собирать по міру и подаяніями этими кормились тесть и теща, такъ какъ у нихъ положительно не было ни куска хлѣба. По смерти тестя я потребовалъ сына къ себѣ, но теща не отдавала; я вынужденъ былъ утруждать начальника губерніи и только тогда, послѣ большихъ непріятностей, получилъ свое дѣтище чрезъ губернскаго предводителя дворянства. Дѣтище было въ одной рубашкѣ и дрянныхъ подштанникахъ. Я наказывалъ его, взыскивалъ за то, что онъ дѣлалъ противно Богу и гражданскому чувству. Онъ занимался воровствомъ, онанизмомъ, отлично бранился поматерно и никакія мои мѣры не могли подѣйствовать на него, не могли уничтожить это зло. Одежды на него бывало не напасешся, все сбывалъ заводскимъ за конфекты. Этимъ онъ меня окончательно ремизилъ. Онъ сталъ даже та-

скать и продавать тряпичникамъ посуду, бѣлье, все что ни попало, бросалъ даже чугунчики въ нужное мѣсто, такъ какъ зналъ, что тогда эта вещь ни куда ни годна, мы ее не возьмемъ и слѣдовательно можно будетъ продать.

Председатель. Вы палкой его били? *Подсудимый.* Я не извергъ, я палкой не наказывалъ, а у меня была для этого трехремянная плеточка. Сѣкъ я его потому, что иначе отъ него истины, сознанія не добьешься. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ,—какъ я самъ пріученъ къ этому,—говорилъ правду. Главное — въ немъ покорности не было. Такъ какъ крѣпостное право уничтожено и нѣтъ крестьянъ, которые бы служили намъ, какъ въ прежнее время, то правда я посылалъ иногда сына въ лавочку и въ питейное заведеніе.

Частный приставъ Шультенъ, разсказавъ согласно съ обвинительнымъ актомъ о томъ, какъ возникло настоящее дѣло, показалъ, что когда Всеволодъ Урусовъ содержался въ части, то къ нему пришелъ однажды отецъ. Всеволодъ чрезвычайно испугался, заплакалъ, забился подъ нары, кричитъ: „батюшки,

не отдавайте къ отцу", а какъ ушелъ отецъ такъ и успокоился. Свидѣтель говорилъ потомъ Всеволоду, что если онъ будетъ шалить, то будетъ отвезенъ къ отцу и это имѣло на него большое вліяніе: въ теченіе двухъ-недѣльнаго пребыванія его въ части, свидѣтель не замѣтилъ въ немъ ни какихъ дурныхъ наклонностей: въ той комнатѣ гдѣ онъ помѣщался, находились разныя солдатскія вещи и, несмотря на полную возможность воспользоваться ими, Всеволодъ не тронулъ ни одной изъ нихъ. Понятія о счетѣ онъ не имѣетъ; если свидѣтель давалъ ему денегъ, то Всеволодъ неторопился расходовать ихъ; напротивъ онъ хранилъ ихъ и иногда только купитъ бывало себѣ калачъ или яблочко. Подсудимый въ трезвомъ видѣ смиренъ, а пьяный очень буйный. За буйство и появленіе въ нетрезвомъ видѣ въ публичномъ мѣстѣ, онъ два раза, по приговору мироваго судьи, содержался подъ арестомъ. Когда ему было послана повѣстка, чтобы онъ явился къ слѣдователю по настоящему дѣлу, то сначала онъ не пошелъ, говоря, что „нѣтъ того лица, который бы имѣлъ право вмѣшиваться въ мои семейныя дѣла"; но когда пришли за

нимъ полицейскіе солдаты и помощникъ частнаго пристава,—человѣкъ очень здоровый,— то онъ увидѣлъ, что сопротивляться нельзя и отправился къ слѣдователю. На безпорядочное поведеніе сына подсудимый никогда не жаловался свидѣтелю.

Подсудимый заявилъ, что когда полицейскій солдатъ привелъ къ нему сына, то онъ отправилъ его въ часть только на недѣлю въ наказаніе за то, что онъ укралъ 1 р. 25 к. и непросилъ прощенія.

Свидѣтель Шультенъ возразилъ, что если бы Всеволодъ Урусовъ обвинялся отцомъ въ кражѣ. то онъ былъ бы переданъ на распоряженіе судебнаго вѣдомства и ни какъ не могъ быть арестованъ безъ формальнаго предписанія.

Подсудимый (обращаясь къ свидѣтелю) Когда былъ пожаръ около Троицы, то не подкидывалъ ли Всеволодъ бумажекъ въ огонь? *О.* Бумажки онъ, правда, подбиралъ съ земли, но въ огонь не кидалъ.

Анна Михайловна Сытина (тетка Всеволода Урусова) Всеволодъ былъ привезенъ въ усадьбу моего батюшки на 6-й недѣли послѣ рожденія. Его привезла мать, которую Кириллъ

Михайловичъ выгналъ тогда изъ дому. Сестра моя вышла за мужъ за Кирилла Михайловича на 23 году; она была тогда здоровая, полная: характеромъ была кроткая, тихая — а черезъ 6 лѣтъ супружеской жизни умерла отъ чахотки въ частной больницѣ, куда была принята изъ милости. Мужъ очень худо обращался съ нею, бранилъ, билъ ее. Она не разъ убѣгала отъ него къ своему отцу, но Кириллъ Михайловичъ пріѣдетъ въ усадьбу тестя, начнетъ уговаривать жену возвратиться къ нему: та согласится, а чрезъ нѣсколько времени, побои да брань мужа, опять заставляютъ ее бѣжать къ отцу. Такъ она и мучилась до самой смерти. У ней было два ребенка—перваго она выкинула, а второй, Всеволодъ, въ первые годы былъ здоровый мальчикъ и въ немъ небыло замѣтно потерянности разсудка: мать его говорила, что Кирилъ Михайловичъ однажды въ нетрезвомъ видѣ взялъ сына своего изъ люльки и бросилъ его на постель. Родители мои были люди хотя и не богатые, но все таки съ извѣстными средствами, и теперь послѣ отца осталось еще 45 надѣловъ; Всеволода они никогда не посылали собирать милостыню; одѣ-

вали его какъ слѣдуетъ. Когда мои родители стали просить, чтобы князь Урусовъ выдавалъ деньги на обученіе и содержаніе сына, то онъ не согласился на это и вытребовалъ сына къ себѣ черезъ полицію. Всеволоду тогда было лѣтъ 8—9-ть. Въ 1869 году я была здѣсь и видѣла, что онъ уже измѣнился, лишился памяти и madame Прагтсъ говорила, что онъ неспособенъ учиться, потому что если что нибудь съ усиліемъ и выучитъ, то на другой же день забываетъ. Черезъ годъ я была у князя Урусова и убѣдилась, что сынъ его ходитъ въ изорваной рубашкѣ, съ синяками подъ глазами и царапинами на тѣлѣ. Онъ говорилъ, что его отецъ не пускаетъ къ намъ. Въ настоящее время онъ на видъ немного здоровѣе, чѣмъ былъ въ домѣ своего отца, но умственныя способности его еще слабѣе: онъ здѣсь совершенно не узналъ меня.

Подсудимый. Я долженъ сказать одно, что Всеволодъ, живя у своего дѣда, былъ нагъ и босъ, собиралъ милостыню. Если бы объ немъ заботились Сытины, то я не требовалъ бы его къ себѣ черезъ полицію. Что касается до жены, то никакихъ истязаній я ей не дѣлалъ и никогда не билъ ее: про нее я не-

могу сказать ничего худаго: она была женщина доброй души: если же у насъ и были непріятности, то онѣ происходили изъ за приданаго. Я былъ въ весьма стѣсненномъ положеніи, которое надѣялся поправить женитьбою, такъ какъ Сытинъ обѣщался дать въ приданое за своею дочерью три тысячи руб. и 25 душъ крестьянъ, но формальнаго условія небыло сдѣлано и я неполучилъ за женою ровно ничего. Она по моему настоянію требовала отъ отца обѣщаннаго приданаго, но всегда безуспѣшно. Правда она не родная, а побочная дочь его, но все таки его кровь и я повѣрилъ его слову, данному съ божбой предъ иконой Божіей матери: а вышло-то совсѣмъ иначе. Не получая отъ тестя ни какаго пособія и не имѣя ни какихъ средствъ содержать семейство, я вынужденъ былъ жить съ женою порознь. Такимъ образомъ мы жили врозь по обоюдному согласію, а ни какъ не вслѣдствіе побоевъ или брани. Это была миролюбивая сдѣлка. *(обращается къ сыну)* Всеволодъ! скажи по какимъ деревнямъ ты ходилъ по міру? *(Всеволодъ ни о произноситъ названія 2—3 деревень)* А разскажи-ка, какъ бабушка съ дѣдушкой подрались изъ за милостыни.

Кн. Всеволодъ Урусовъ. Я насобиралъ мало хлѣба, а они драку зачинили.

Предсѣдатель. Такая драка изъ за кусковъ хлѣба часто случалась? *О.* Часто. *В.* Это вы помните? *О.* Помню. *В.* Давно это было? *О.* Забылъ уже.

Защитникъ. Дѣдушка съ бабушкой не били ли васъ за что нибудь? *О.* нѣтъ. *В.* Дѣдушка пилъ водку? *О.* Пилъ. *В.* И пьянъ бывалъ? *О.* И пьянъ бывалъ.

Подсудимый. Когда еще было крѣпостное право, то люди у моего тестя дожили до того, что собирали по міру, не имѣли ни какой одеженки, онъ требовалъ отъ крестьянъ работы, а имъ работать было не въ чемъ.

Предсѣдатель. Какимъ же образомъ вы надѣялись получить приданое отъ такаго бѣднаго человѣка? *Подсудимый.* Во время моей женитьбы у него было состояніе, а потомъ дошелъ до того, что за солью, за хлѣбомъ, за крупой, посылалъ просить по деревнямъ.

Коллежскій Регистраторъ Гаврило Николаевъ Ратьковъ сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія о жизни подсудимаго. Онъ 9-ти лѣтъ былъ отданъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ пробылъ до 17—18 лѣтъ и за какую-то шалость или дерзость

былъ исключенъ въ юнкера. Тогда онъ написалъ къ родителю письмо, въ которомъ просилъ не оставить его, но родитель отвѣчалъ сыну страшными проклятіями, бранью и не послалъ ему ни копѣйки денегъ, предупредивъ, чтобы и на будущее время онъ не надѣялся на родительскую помощь: а между тѣмъ князь Михаилъ Урусовъ (отецъ подсудимаго) былъ очень богатъ: у него было 1100 душъ крестьянъ и нѣсколько тысячь десятинъ земли, такъ что годовой доходъ его имѣнія простирался до 10 т. руб. Но онъ былъ человѣкъ безхарактерный, недалекаго ума, имѣлъ пристрастіе къ пьянству и былъ жестокъ въ отношеніи къ дѣтамъ. Никогда не случалось, чтобы онъ ласкалъ кого нибудь изъ дѣтей, въ особенности дѣтей отъ перваго брака, къ которымъ принадлежалъ и князь Кириллъ Михайловичъ. Въ полку подсудимый былъ въ страшной нуждѣ, вслѣдствіе этого офицерство оттолкнуло его и онъ попалъ въ общество нижнихъ чиновъ, гдѣ и усвоилъ нѣкоторыя дурныя привычки. Года черезъ четыре онъ перешелъ въ херсонскій гарнизонъ, гдѣ служилъ его братъ, который началъ оказывать ему нѣкоторую поддержку. Здѣсь онъ про-

служилъ годъ или полтора. Вдругъ отецъ, неизвѣстно по какой причинѣ, приказалъ обѣимъ сыновьямъ выдти въ отставку. Они исполнили это приказаніе и, получивъ отставку написали отцу, чтобы онъ прислалъ имъ денегъ на дорогу. Отца ужасно разсердило это письмо, такъ какъ онъ полагалъ, что сынъ офицеръ могъ бы скопить денегъ на дорожные расходы. Проживя еще кое-какъ года полтора въ Херсонѣ, подсудимый рѣшился отправиться на родину пѣшкомъ. Дорогою одинъ становой приставъ спросилъ у него видъ, не повѣрилъ чтобы человѣкъ съ фамиліею Князя Урусова могъ идти пѣшкомъ въ такомъ жалкомъ положеніи, заарестовалъ его и онъ находился подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока становой не получилъ изъ Херсона увѣдомленія, что дѣйствительно князь Урусовъ пошелъ оттуда пѣшкомъ. Наконецъ кое-какъ подсудимый добрался до Костромы, но недолго онъ прожилъ у отца. Вслѣдствіе одной неприятности отецъ разсердился на него, высѣкъ его (ему тогда было 25 лѣтъ) и выгналъ изъ дома. Онъ поѣхалъ въ Ярославль и тамъ прожилъ года полтора у своихъ родственниковъ, за тѣмъ онъ возвратился въ

Кострому и рѣшился женитьбою поправить свое крайне-незавидное положеніе. Сытинъ обѣщалъ дать за дочерью 25 душъ, но обманулъ подсудимаго и послѣдній очутился въ еще болѣе худшемъ положеніи. Вскорѣ послѣ этого, по Высочайшему повелѣнію, имѣніе старика Урусова было взято въ опеку въ видахъ обезпеченія дѣтей. Подсудимому въ теченіе 5 лѣтъ выдавали по 5 руб. въ мѣсяцъ и извѣстное количество масла, муки, крупы, а потомъ по 35 руб. Когда родился сынъ, то на 6-мъ 7-мъ мѣсяцѣ былъ отправленъ съ матерью въ усадьбу тестя, откуда жена иногда пріѣзжала къ подсудимому, а сынъ ни разу. Сытинъ дошелъ до крайности и сталъ просить средствъ на содержаніе внучка, которому исполнилось лѣтъ 7—9. Тогда мы, родственники подсудимаго, придумали отдать сына его въ заведеніе Г-жи Прагтсъ, куда онъ и былъ помѣщенъ немедленно по пріѣздѣ изъ деревни и пробылъ года полтора. За тѣмъ, когда началось слѣдствіе по настоящему дѣлу, я по предложенію предводителя дворянства взялъ Всеволода Урусова къ себѣ. Я не буду описывать его, онъ на глазахъ у васъ. Къ сожалѣнію характеръ его иногда бываетъ дерзкій, возмутительный: однажды онъ раз-

сердился на женщину, которая приставлена къ нему, за то, что она бранила его за испачканіе платья, выбѣжалъ на улицу, схватилъ камень и бросилъ въ окно. Въ наказаніе за это я привязалъ его къ стулу. Другой разъ онъ пропадалъ недѣли двѣ и былъ представленъ полицейскимъ солдатомъ Голубовскимъ. Опасаясь, чтобы дѣти мои не перенялн отъ него дурныя манеры, я придумалъ держать его не у себя. а у холостаго брата моего въ усадьбѣ: къ этому побудило меня еще и другое обстоятельство: Всеволодъ Урусовъ, сколько бы его не кормили, постоянно голоденъ и хотя я приказывалъ кормить его вдоволь, но тѣмъ не менѣе онъ ходилъ собирать милостыню, въ усадьбѣ же брата ему не у кого будетъ христарадничать. Держать въ чистотѣ его также нѣтъ ни какой возможности, потому что онъ обладаетъ особенной способностью пачкаться. Я ему шью платье изъ уланскаго солдатскаго мундира, другаго же платья ему не надолго хватитъ. При томъ онъ какой-то добрый или черезъ-чуръ простой мальчикъ, попросятъ у него, онъ сниметъ съ себя платье и отдастъ, такъ что иногда уходитъ изъ дома въ одномъ костюмѣ. а приходитъ въ другомъ. У него есть еще од-

на странность: иногда ни съ того ни съ сего хохочетъ часъ—два и ни просьбами, ни угрозами нельзя принудить его прекратить этотъ смѣхъ, который дѣлается наконецъ совершенно невыносимымъ. Даже о самыхъ простыхъ предметахъ онъ неможетъ вести разговора — трудно понять, что онъ хочетъ сказать. Но что бы онъ бралъ безъ спроса вещи этого я не замѣчалъ. Слухъ былъ, что онъ, когда еще былъ ребенкомъ, былъ выкинутъ отцемъ изъ люльки.

Товарищъ прокурора. Вы сказали, что привязывали Всеволода Урусова къ стулу, вы считаете это кроткою мѣрою наказанія, которую употребили бы и въ отношеніи своихъ дѣтей? *О.* Конечно кроткая: что же дѣлать когда онъ не слушается, уходитъ, надобно же чѣмъ нибудь его исправлять. *В.* Вы своихъ дѣтей привязываете къ стулу? *О.* Если заслужатъ..... *В.* Что долженъ сдѣлать вашъ ребенокъ, чтобы вы привязали его къ стулу? *О.* Не маленькое преступленіе.... *В.* Напримѣръ если онъ выколотитъ стекло, то вы привязали бы его? *О.* Какая бы явилась фантазія.... этого я незнаю теперь.

Такъ какъ на послѣдующіе вопросы о положеніи Всеволода Урусова въ домѣ отца и

о поведеніи послѣдняго, свидѣтель Ратьковъ далъ отвѣты не согласные съ прежними его показаніями, именно значительно смягчилъ ихъ въ пользу подсудимаго, то было прочитано показаніе Ратькова, данное на предварительномъ слѣдствіи. Въ этомъ показаніи между прочимъ говорится. что когда подсудимый. по возвращеніи изъ Херсона. поселился у отца. то завелъ интригу съ дѣвушкою, отецъ безъ церемоніи выпоролъ его розгами и выгналъ изъ дома. Отъ тестя его также выгнали за дурныя наклонности. Сынъ его въ зимнюю стужу. въ жалкомъ рубищѣ ходилъ къ свидѣтелю, живущему за двѣ версты отъ подсудимаго. Онъ всегда былъ голоденъ и постоянно жаловался на родительскіе побои. Когда подсудимый, изгнанный ближайшими родственниками за дурныя наклонности. поселился на время у Ратькова, то послѣдній чтобы дать ему какое нибудь занятіе, поручилъ ему обучать своихъ дѣтей.

Ратьковъ подтвердилъ справедливость прочитаннаго.

Свидѣтельница Анна Сытина на дополнительные вопросы председателя объяснила, что когда Всеволодъ жилъ у дѣда, то аппе-

тигъ его былъ обыкновенный, а характеръ довольно веселый.

Крестьянскій мальчикъ *Иванъ Ефимовъ*, 11 лѣтъ, показалъ, что онъ воспитанникъ Марьи Глѣбовны (жена подсудимаго), у которыхъ жилъ какъ до, такъ и послѣ ея замужства. Теперь онъ отъ побоевъ своей воспитательницы, весьма порядочно пьянствующей, перешелъ жить въ другой домъ. Жизнь въ домѣ Урусова не больно хороша: онъ билъ ихъ (свидѣтеля и сына), ночью будилъ, посылалъ за водкой. Впрочемъ свидѣтеля онъ меньше билъ, чѣмъ Всеволода, за то свидѣтелю больше доставалось колотушекъ отъ княгини. Дрались Урусовы преимущественно въ пьяномъ видѣ, а пьяны они были очень часто и какъ запьютъ, по недѣли двѣ пьянствуютъ безпросыпно. Впрочемъ и отъ трезвыхъ отъ нихъ иногда доставалось мальчикамъ. Били они и руками, и плетью, и палкой. (Когда свидѣтель заявилъ, что у Кириллы Михайловича была для этого особая плетка, Всеволодъ Урусовъ, сидѣвшій на скамьѣ свидѣтелей, громко засмѣялся, говоря: „вотъ такъ Ванюшка разсмѣшилъ меня“). Всеволоду иногда отецъ связывалъ руки и билъ связаннаго толстой сучковатой палкой, билъ и по го-

ловѣ и по спинѣ и вообще почемъ попало; при этомъ у Всеволода иногда шла кровь изъ носу и бывали синяки на тѣлѣ, но боленъ онъ никогда не былъ; морили голодомъ. Всеволодъ попроситъ хлѣбца у хозяйки и потихоньку съѣстъ, а если отецъ увидитъ, то отниметъ хлѣбъ и броситъ собакѣ, Всеволодъ заплачетъ, и отецъ его начнетъ бить за это: онъ не любилъ когда сынъ плакалъ. Съ голоду имъ обоимъ мальчикамъ случилось собирать подаянія. Урусовы сначала шили имъ по пальту, по брюкамъ, по сапогамъ, а потомъ сапоги износились, сдѣлались худы; рубашки же у нихъ были крѣпкія, кромѣ того у свидѣтеля была шубка, а у Всеволода небыло, только когда онъ въ ученье ходилъ, то на него надѣвали длинное пальто. Разъ Всеволодъ стопталъ башмаки, мамаша велѣла попрямить ихъ, а онъ забросилъ ихъ, брюки же продалъ. Спали они на матрацѣ. Всеволодъ мальчикъ добрый: только у него, по мнѣнію свидѣтеля, разума мало, а на вопросъ „почему онъ думаетъ такъ, развѣ Всеволодъ дѣлалъ какія нибудь неразумныя вещи, и Иванъ Ефимовъ отвѣтилъ: „да, на Спасскомъ съ собакой сдѣлалъ онъ нехорошое и тогда же натра-

вилъ собаку на мальчика". Однажды Всеволодъ взялъ изъ дому простыню и кому то продалъ ее. Когда Марья Глѣбовна уѣзжала въ Москву, то Кириллъ Михайловичъ все пилъ, ничего нестряпалъ, и тогда то имъ въ особенности приходилось голодать. Когда же у Урусовыхъ и бывалъ обѣдъ, то дѣти не ѣли съ ними, а за особымъ столомъ. На цѣпь съ собакой Всеволода не привязывали. Зимой имъ обоимъ случалось ходить босикомъ.

Подсудимый. Послушай Иванъ! Когда уѣзжала Марья Глѣбовна, развѣ вы оставались голодны? *О.* Оставались. *В.* Я для васъ не стряпалъ и печку не топилъ? *О.* нѣтъ. *В.* И картофелю не было оставлено полтора четверика? *О.* Было оставлено. *В.* Не помнишь ли чью серебряную папиросницу Всеволодъ носилъ продавать заводскимъ? *О.* Не знаю. *В.* Не помнишь ли какъ онъ, должно быть нечаянно, взялъ мамашину рубашку и желѣзный косарь и продалъ тряпичникамъ? *О.* Непомню. *В.* Непомнишь ли какъ онъ большія мои ножницы отдалъ за конфетку или за двѣ? *О.* Не помню. *В.* Положимъ я въ нѣкоторые дни не стряпалъ, да эта обязанность и несвойственна мущинѣ, а работницы я не въ состояніи былъ нанимать, но развѣ

я тебя и Всеволода не водилъ въ трактиръ когда нестряпалъ? *О*. Меня водили, а Всеволода нѣтъ. *В*. Какой я тебя палкой наказывалъ? *О*. Сучковатой. *В*. Развѣ у меня была сучковатая палка? *О*. Въ чуланѣ лежала.

„Въ чуланѣ" повторяетъ съ иронической улыбкой подсудимый, садясь на скамью.

На вопросъ предсѣдателя о пропажѣ у подсудимаго серебряной папиросницы, Иванъ Ефимовъ объяснилъ, что онъ самъ невидѣлъ, чтобы Всеволодъ укралъ и продалъ ее, а только слышалъ отъ другихъ.

Подсудимый заявилъ, что Иванъ нерѣдко помогалъ Всеволоду въ совершеніи кражъ и подводилъ его подъ розги, а самъ всегда умѣлъ ускользнуть отъ наказанія.

Свидѣтель крестьянинъ Яковъ Алешкинъ показалъ, что подсудимый съ женою жилъ у него 7 мѣсяцевъ въ концѣ 1868 и въ началѣ 1869 года, пьянствовали онъ сильно и при этомъ очень буянили, дрались другъ съ другомъ, такъ что даже страшно было и подойти къ нимъ во время такаго пьянства и въ особенности когда хозяюшка уѣзжала въ Москву. Кириллъ Михайловичъ очень притѣснялъ мальчиковъ, билъ ихъ, но билъ при свидѣтелѣ только кулаками, а не палкою: синя-

ковъ на Всеволодѣ никогда незамѣчалъ и боленъ онъ ни разу не былъ, мальчики ходили по міру, а то голодные стоятъ въ коридорѣ у стѣночки, да дрожатъ въ плохой одеженкѣ,—у Ивана еще былъ полушубокъ, а на Всеволодѣ худенькой кафтанишка, а на ногахъ обувь сильно плохая, пальцы видны, увидишь ихъ и пригласишь къ себѣ, обогрѣешь, да дашь кусокъ хлѣба. А въ другой разъ и сами они рвутся къ намъ, плачутъ, пугаются родительскаго гулянства. Матрасика у нихъ ни какаго не было, и спали они на чемъ Богъ пошлетъ. Всеволодъ былъ безразсудный человѣкъ, но въ воровствѣ ни разу не былъ замѣченъ. А когда Марья Глѣбовна уѣзжала въ Москву, то муженекъ ея всѣ вещи пропилъ, даже все платье съ себя пропилъ, остался въ одной рубашкѣ и босой. Трезвый онъ былъ кроткій, вѣжливый человѣкъ, придетъ бывало на скрипочкѣ поиграетъ, а какъ запьетъ—бѣда; трезвымъ же онъ бывалъ очень рѣдко. У него были собаки: ихъ онъ никогда не забывалъ кормить.

Прочитано было показаніе Ахапкина, данное на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ говорится, что Кириллъ Михайловичъ билъ сына и сучковатой палкой, и полѣномъ то, сви-

дѣтель заявилъ, что онъ этого слѣдователю непоказывалъ и теперь положительно удостовѣряетъ, что подсудимый таскалъ Всеволода за волосы, билъ кулаками, но палки при этомъ не употреблялъ.

Полицейскій солдатъ Голубовскій показалъ, что когда Урусовы жили за Волгой у Ахапкина, то нѣсколько разъ находилъ мальчика Всеволода зимою въ худой одеждѣ подъ окошкомъ чуть незамерзшимъ. Разъ Голубовскій привелъ его въ избу и сказалъ отцу: „примите мальчика къ себѣ, а то онъ замерзнетъ.“— „Вонъ изъ избы“ закричалъ съ печи отецъ и пустилъ въ мальчика полѣномъ, но не попалъ. Далѣе свидѣтель, повторивъ изложенное въ обвинительномъ актѣ о томъ, какъ онъ представилъ Всеволода Урусова въ часть, добавилъ, что о послѣднемъ ничего худаго не слыхалъ и что нѣсколько разъ видѣлъ, какъ подсудимый билъ сына.

Сожительница Царева на всѣ вопросы давала сбивчивые, противорѣчивые отвѣты и потому было прочитано ея первоначальное показаніе, въ которомъ говорится, что подсудимый сѣкъ сына, связывалъ ему руки назадъ, билъ ремнемъ, ставилъ на колѣни на горохъ.

Подсудимый. Не помнишь ли какъ у тебя ножницы пропали и ты говорила, что Всеволодъ укралъ ихъ? *О.* Вы говорили что Всеволодъ укралъ, а Богъ знаетъ на кого надо подумать. *В.* За что я ему руки связывалъ? *О.* Почемъ я знаю. *В.* нѣтъ, я тебѣ разсказывалъ за что, я тебѣ говорилъ, что онъ по ночамъ дѣлалъ. (Слова эти подсудимый произноситъ сильно возвышеннымъ голосомъ.) *О.* Что блудитъ то? покормите такъ и не на-блудитъ. *В.* Что я плохо его кормилъ? *О.* Извѣстно плохо. *В.* Если я билъ Всеволода, то развѣ не училъ его при тебѣ, что вотъ бью его за то-то и что онъ не долженъ дѣлать того-то? *О.* Когда вы били его, позвали меня и говорите: „смотри, какъ я учу его сукина сына."

Дьячокъ Сиринъ показалъ, что подсудимый прожилъ у него на квартирѣ 5 мѣсяцевъ, трезвъ былъ только дня 2-3, билъ своего сына за каждые пустяки, билъ прутьями, веревкой и связывалъ при этомъ руки назадъ, а между тѣмъ Всеволодъ былъ мальчикъ послушный и безпрекословно исполнялъ не только всякое приказаніе родителей, но и просьбы постороннихъ лицъ. Всѣ порученія свидѣтеля Всеволодъ исполнялъ честно, никогда

ничего не воровалъ, былъ мальчикъ добрый, застѣнчивый. Однажды кошка мясо съѣла и *за это* родители довольно тиранили Всеволода. Кормили его очень скудно, одѣвали черезъ чуръ *легко*. Изъ этой *легкой* одежды нечего было транжирить.

На вопросъ товарища прокурора, что подсудимый обращался съ сыномъ какъ другіе обращаются только съ собакой, свидѣтель отвѣтилъ: „нѣтъ, какъ можно тиранить такъ собаку“. А на вопросъ защитника, не воровалъ ли Всеволодъ хлѣба, Сиринъ замѣтилъ: „онъ былъ застѣнчивый, боялся спросить и бралъ иногда потихоньку кусокъ хлѣба, но развѣ это можно считать кражей? это не кража, онъ съ голоду бралъ“.

Далѣе свидѣтель объяснилъ, что онъ слышалъ будто бы подсудимый, какъ увидитъ кусокъ хлѣба у сына, вырветъ его и бросить или въ лоханку или собакѣ.. „много пришлось бы исписать бумаги, если бы все описывать“ прибавилъ свидѣтель.

Подсудимый Помните ли вы какъ отъ г. Шарова бѣгала ко мнѣ маленькая собачка и мой возлюбленный сынокъ изволилъ утопить ее въ нужномъ мѣстѣ? (. Какъ-то собачка

дѣйствительно утопула въ нужномъ мѣстѣ, но кто ее утопилъ не знаю.

Мѣщанка Тараканова, у которой жили Урусовы 11 мѣсяцевъ, показала, что она, въ теченіи всего этого времени, и двухъ недѣль не видѣла ихъ трезвыми. Подсудимый билъ сына и полѣномъ, и палкой, и прутьемъ, и со связанными назадъ руками, билъ безъ всякой причины. Одѣвали и кормили Всеволода очень плохо; спалъ онъ кое какъ, гдѣ придется; въ полночь его посылалъ родитель за водкой въ кабакъ, на тѣлѣ его были синяки, сѣчки, жесточайшія раны на спинѣ, а мальчикъ онъ былъ ласковый, ни какихъ худыхъ поступковъ не дѣлалъ, не капризничалъ, сидитъ все бывало молча въ углу и какъ только ѣсть захочетъ, такъ потихоньку попроситъ; поласкаешь его, такъ онъ и говорить начнетъ какъ слѣдуетъ.

Подсудимый. Помнится мнѣ, что разъ мой сынъ закололъ вашу курицу и вы нашли ее подъ диваномъ? *О*. Нѣтъ Кириллъ Михайловичъ, я на него не могу грѣшить; я въ ту пору была на рѣкѣ, прихожу, а курица подъ диваномъ лежитъ съ разорваннымъ зобомъ; можетъ быть собака ее закусала, а на Всеволоде я не могу сказать. *В*. А за что же я

тогда отдалъ вамъ 30 коп.? *О.* Цыпленокъ былъ еще живъ, вы дали гривенникъ, прирѣзали цыпленка и скушали. *В.* Помните ли вы какъ ходили съ моею женою искать новые полуботинки, которые Всеволодъ выбросилъ за ворота? *О.* Полуботинки были не новые, а старые и кто ихъ забросилъ не знаю. Случилось это такъ: вы Кирилло Михайловичъ, выгнали зимою на улицу нагого, босаго Всеволода и потомъ спросили гдѣ ботинки: онъ не могъ сказать этого, такъ ботинокъ и не нашли.

Спрошенный вновь относительно послѣдняго обстоятельства мальчикъ Иванъ Ефимовъ заявилъ, что онъ не видѣлъ, а слышалъ только, что Всеволодъ бросилъ свои ботинки за ворота и что Марья Глѣбовна ходила искать ихъ.

Свидѣтель Троицкій (вызванъ какъ и слѣдующіе два свидѣтеля подсудимымъ) показалъ, что однажды послѣ того, какъ у него былъ Урусовъ, пропала табакерка изъ корельской березы и потомъ кн. Урусовъ говорилъ ему, что табакерку укралъ Всеволодъ.

Свидѣтель Ламековъ показалъ, что когда подсудимый квартировалъ у него, то не буянилъ и съ сыномъ обращался хорошо. Сынъ

въ то время былъ при немъ очень не долго, въ теченіи только нѣсколькихъ дней.

Рядовой Бенце Канъ (находится подъ судомъ и содержится уже 10 мѣсяцевъ подъ стражею) показалъ, что когда онъ уже былъ посаженъ подъ арестъ, то слышалъ отъ жены, что въ ихъ домѣ пропали два подсвѣчника и такъ какъ передъ тѣмъ у нихъ былъ только Всеволодъ Урусовъ, то подозрѣніе пало на него; кн. Урусовъ, узнавъ объ этомъ, сталъ грозить сыну розгами, если онъ не сознается въ кражѣ; тогда мальчикъ сознался и сказалъ, будто бы продалъ подсвѣчники заводскимъ; хотя подсвѣчниковъ искали, но не нашли; подсудимый не рѣдко занималъ у свидѣтеля деньги и теперь еще ему долженъ.

Читано показаніе бабушки Всеволода Урусова Вассы Сытиной, согласное съ показаніемъ дочери ея Анны Сытиной.

Подсудимый заявилъ, что въ сынѣ его было врожденное тупоуміе, что его еще прежде отецъ Павелъ отчитывалъ, но съ медиками онъ объ этомъ не совѣтывался, потому что не имѣлъ для этаго средствъ. На вопросъ одного изъ членовъ суда, правда ли что онъ часто былъ пьянъ, подсудимый отвѣтилъ: „я не знаю, кто нынче не пьетъ, всякій про-

столюдинъ пьетъ. только нужно помнить себя, а я изъ границъ благопристойности не выходилъ".

За тѣмъ прочитанъ былъ актъ освидѣтельствованія Всеволода Урусова врачами экспертами, сущность этого акта приведена выше.

Экспертъ, помощникъ врачебнаго инспектора, Н—скій заявилъ, что въ настоящее время нѣтъ ни какаго сомнѣнія, что Всеволодъ Урусовъ находится въ состояніи полнаго идіотизма. Даже внимательный осмотръ черепа его показалъ, что мозгъ его болѣе или менѣе въ не нормальномъ состояніи. За тѣмъ безсмысленное выраженіе лица, улыбка, свойственная только идіотамъ, особенный характеристическій смѣхъ, походка, весьма низкая степень пониманія,—все это доказываетъ, что Всеволодъ Урусовъ человѣкъ психически больной. Когда онъ былъ въ школѣ г-жи Праггеъ, то онъ скорѣе былъ похожъ на какаго то дикаго звѣрка, бѣгалъ, кричалъ, дичился товарищей. Не смотря на самое ласковое и внимательное обхожденіе и чрезвычайное участіе, которое г-жа Праггеъ принимала въ этомъ мальчикѣ, моральное развитіе его ни сколько не подвигалась впередъ. Сначала онъ запомнилъ было нѣ-

сколько буквъ, но чрезъ нѣсколько дней забылъ. При осмотрѣ его у судебнаго слѣдователя, Всеволодъ Урусовъ произвелъ такое же впечатлѣніе на эксперта, только какъ будто бы еще болѣе похудѣлъ. Въ настоящее время его физическое, тѣлесное состояніе нѣсколько улучшилось, что объясняется вѣроятно лучшимъ уходомъ, но степень пониманія, образъ выраженія остаются въ прежнемъ видѣ—онъ незнаетъ сколько пальцевъ на рукѣ, сколько дней въ недѣлѣ. Что касается до источника, до причины одіотизма, то по этому вопросу всѣ ученые психіатры приходятъ къ одному заключенію, что идіотизмъ всегда, или по крайней мѣрѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, бываетъ прирожденный, наслѣдственный. Нѣкоторые писатели указывали на цѣлый рядъ поколѣній гдѣ идіотизмъ выказывался въ разныхъ видахъ, въ одномъ семействѣ больше, въ другомъ меньше, даже во второмъ и третьемъ поколѣніи. Въ данномъ случаѣ ненормальная жизнь отца, болѣзненное состояніе матери, психическое состояніе дѣда, который, какъ извѣстно эксперту изъ личнаго знакомства съ нимъ, былъ человѣкъ очень ограниченнаго ума, съ тупоумнымъ выра-

женіемъ лица и чрезвычайно страннымъ характеромъ. всѣ эти данныя и приведенное мнѣніе психіатровъ даютъ основаніе предполагать, что идіотизмъ Всеволода Урусова прирожденный. Но конечно гигіеническая обстановка имѣетъ большое вліяніе на здоровье и вообще на развитіе человѣка. При хорошемъ правильномъ уходѣ, наслѣдственнаго идіота можно приспособить къ простымъ сельскимъ, ремесленнымъ работамъ, такъ что онъ будетъ сносный членъ семейства: онъ не пойдетъ далеко, не будетъ сочинять, не будетъ изобрѣтать, но простыя обыкновенныя вещи будутъ доступны его пониманію. Далѣе на вопросъ сторонъ экспертъ объяснилъ, что въ первые годы дѣтства, трудно прослѣдить прирожденный идіотизмъ; онъ дѣлается замѣтенъ только съ годами. Злоупотребленія половыми отправленіями, а также случайный или не случайный ударъ, могутъ обусловливать слабое развитіе субъекта.

Другой экспертъ, городовой врачъ Спасокутскій вполнѣ согласился съ мнѣніемъ г. Невскаго.

За тѣмъ по требованію защитника былъ произведенъ экспертами осмотръ Всеволода Урусова въ особой комнатѣ. Эксперты нашли

ли, что половые органы его развиты слабо, несоотвѣтственно 16-ти лѣтнему возрасту и что нѣтъ ясныхъ признаковъ, которые бы указывали, что Всеволодъ Урусовъ былъ преданъ тому пороку, о которомъ говорилъ его отецъ.

Въ заключеніе судебнаго слѣдствія прочитана была справка изъ метрическихъ книгъ, изъ которой видно, что Всеволодъ Урусовъ родился 16 Апрѣля 1855 года.

Товарищъ прокурора, изложивъ подробно обстоятельства дѣла, и находя что подсудимый вполнѣ изобличается ими въ жестокомъ обращеніи съ сыномъ, продолжалъ: „Но очевидно самый подсудимый держится другаго взгляда: онъ полагаетъ, что на такое обращеніе съ сыномъ уполномоченъ закономъ по праву родителя. Къ сожалѣнію весьма нерѣдко встрѣчаются родители съ такимъ взглядомъ на права свои въ отношеніи къ дѣтямъ. Они основываютъ свои права исключительно на томъ, что предоставляетъ имъ гражданскій законъ. Дѣйствительно нашъ гражданскій законъ даетъ родителямъ широкія права по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Но зная эти права, родители не желаютъ знать, что законъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ограничиваетъ ихъ,

Они полагаютъ, что если законъ предоставляетъ имъ принимать извѣстныя мѣры исправленія порочныхъ дѣтей и запрещаетъ дѣтямъ приносить на нихъ жалобы, то мѣры эти могутъ быть безграничны. Я полагаю, что границы эти долженъ указать уголовный судъ и что вы вмѣстѣ со мною придете къ тому убѣжденію, что тотъ рядъ насильственныхъ дѣйствій, которыя позволилъ себѣ подсудимый относительно сына и то жалкое положеніе, которое занималъ Всеволодъ Урусовъ въ домѣ своего отца, переходитъ границы, которыя могутъ быть терпимы въ отношеніяхъ родителя къ сыну и что такое обращеніе должно быть наказуемо. Въ томъ опредѣленіи суда, которымъ князь Урусовъ преданъ суду за этотъ рядъ насильственныхъ дѣйствій, есть еще другое обвиненіе и къ этому другому обвиненію я перейду въ настоящее время. Хотя судебное слѣдствіе въ этомъ отношеніи дало намъ меньше матеріала, чѣмъ относительно первой части обвиненія, но я полагаю, что виновность князя Урусова въ идіотизмѣ сына представляется по дѣлу также достаточно доказанною. Вы выслушали здѣсь мнѣніе экспертовъ, основанное очевидно на научныхъ данныхъ: они приходятъ къ единоглас-

ному заключенію, что князь Всеволодъ Урусовъ въ настоящее время находится къ идіотическомъ состояніи т. е. что умственныя его способности находятся на крайне низкой степени развитія, что онъ страдаетъ слабоуміемъ. Чтобы окончательно убѣдится въ этомъ достаточно сравнить Всеволода Урусова съ его сотоварищемъ Иваномъ Еѳимовымъ. Ивану Еѳимову 11 лѣтъ, а Всеволоду Урусову 16, между тѣмъ первый по крайней мѣрѣ въ пятеро превышаетъ втораго умственными способностями. Таково впечатлѣніе, которое, я полагаю, производятъ эти мальчики на всѣхъ. Другой вопросъ, который былъ предложенъ на разрѣшеніе экспертовъ, касался причины идіотическаго состоянія Всеволода Урусова. Эксперты высказали, что наука даетъ намъ право заключать, что умственное разстройство въ большинствѣ случаевъ бываетъ наслѣдственное, но тѣмъ не менѣе наука считаетъ возможными случаи развитія этой болѣзни у человѣка послѣ рожденія. Къ такимъ случаямъ экспертъ Невскій между прочимъ отнесъ тотъ порокъ, который желалъ приписать Кирилъ Урусовъ своему сыну, но которымъ, какъ оказалось по свидѣтельству, послѣдній вовсе не стра-

дастъ. Къ такимъ же причинамъ, могущимъ обусловливать умственное разстройство, эксперты отнесли и то обстоятельство, которое отчасти выяснилось на судебномъ слѣдствіи, что Всеволодъ, будучи еще ребенкомъ, былъ выкинутъ отцемъ изъ колыбели. Очень можетъ быть, что не на всякомъ субъектѣ такое нѣжное обращеніе могло отозваться такъ пагубно, но съ такою же вѣроятностью болѣзненное состояніе Всеволода Урусова можно объяснить наслѣдственностью, какъ и этою именно случайностью. Экспертъ Невскій здѣсь засвидѣтельствовалъ предъ вами, что въ бытность въ заведеніи г-жи Прагтсъ Всеволодъ Урусовъ похожъ былъ на какаго-то звѣрка. Это было въ 1868 году; затѣмъ Невскій видѣлъ Всеволода Урусова черезъ 2—3 года и замѣтилъ въ немъ ухудшеніе. Въ настоящее время онъ находитъ его сравнительно въ лучшемъ видѣ, слѣдовательно ясно, что жестокое обращеніе отца способствовало развитію болѣзни сына, когда же Всеволодъ Урусовъ былъ взятъ изъ родительскаго дома и переданъ опекуну, то вслѣдствіе очевидно лучшаго съ нимъ обращенія явился сюда въ настоящее время въ болѣе удовлетворитльеномъ

состоянiи. Это обстоятельство дѣлаетъ совершенно понятнымъ для васъ объясненiе экспертовъ о томъ, что будетъ ли идiотизмъ природный или прiобрѣтенный, во всякомъ случаѣ тѣ жизненныя условiя, въ которыя поставленъ данный субъектъ, то обращенiе, которое онъ испытываетъ отъ окружающихъ его лицъ, сильно влiяютъ на теченiе болѣзни. Если это обращенiе хорошее, если обстановка больнаго человѣка болѣе или менѣе удовлетворительная, то болѣзнь ослабляется, умственно больной субъектъ приближается къ среднему человѣку, становится, какъ выразились эксперты, полезнымъ членомъ семьи. Если же обстановка плоха, то человѣкъ окончательно тупѣетъ и дѣлается существомъ, ни къ чему не способнымъ. Сводя все сказанное мною, я по глубокому моему убѣжденiю, обвиняю князя Кирилла Урусова во первыхъ въ томъ, что онъ въ теченiи нѣсколькихъ лѣтъ, проживая съ сыномъ Всеволодомъ, наносилъ ему побои ремнемъ, сучковатой палкой, веревкой, связывалъ ему руки, подолгу держалъ его на колѣняхъ, оставлялъ его безъ пищи, безъ надлежащей одежды, безъ всякаго ухода и во вторыхъ въ томъ, что вслѣдствiе такого об-

ращенія, сынъ его Всеволодъ въ настоящее время предсталъ предъ вами совершеннымъ идіотомъ. . . . .

Защитникъ. Гг. Присяжные засѣдатели! настоящее дѣло, которое привлекло вниманіе Костромскаго общества, дѣйствительно достойно вниманія въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, по личности подсудимаго и во вторыхъ, по важности той задачи, которая предложена на ваше разрѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, на скамью подсудимыхъ приведенъ изъ острога, подъ стражей, потомокъ знаменитаго рода князей Урусовыхъ, обвиняемый въ жестокомъ обращеніи съ сыномъ, приведенъ князь Кириллъ Михайловичъ Урусовъ, отецъ котораго имѣлъ 1100 душъ. Невольно является прежде всего вопросъ: какая причина могла довести такого человѣка до совершенія преступленія, до скамьи подсудимыхъ. Такимъ образомъ интересъ дѣла достаточно сосредоточивается на личности подсудимаго. За тѣмъ предложенная вамъ задача въ особенности трудна потому, что преступленіе въ которомъ обвиняется подсудимый недостаточно опредѣлено закономъ, и кромѣ того потому: что здѣсь приходится разбирать отношенія отца къ сыну. Обвиненіе выставило князя-

зя Урусова такимъ злодѣемъ, который ни сколько не щадилъ ребенка, билъ его какъ собаку, довелъ его до послѣдней степени идіотизма. Въ самомъ дѣлѣ безчеловѣчнѣе этого врядъ ли можетъ быть что нибудь. Но если взглянуть на дѣло не съ одной только стороны факта, что ребенка били, то Урусовъ потеряетъ характеръ злодѣя и явится предъ вами другимъ человѣкомъ и самое дѣло не будетъ имѣть той громадной важности, которую придаетъ ему прокурорскій надзоръ. Обвиненіе распадается на двѣ части: во первыхъ Урусовъ обвиняется въ рядѣ дѣйствій извѣстныхъ въ нашемъ законѣ подъ именемъ истязаній и во вторыхъ въ томъ, что отъ этихъ истязаній сынъ его Всеволодъ сдѣлался полнымъ идіотомъ. Я начну со второй части обвиненія, потому что она разрѣшается гораздо легче и данныя относящіяся до нея болѣе выяснены судебнымъ слѣдствіемъ. Чтобы разрѣшить этотъ второй вопросъ нужно выяснить: былъ-ли Всеволодъ Урусовъ идіотомъ въ то время, когда попалъ въ домъ своего родителя? Если былъ, то вторая часть обвиненія конечно падаетъ сама собою. Оба эксперта категорически заявили, что по ихъ наблюденіямъ Всеволодъ Урусовъ идіотъ отъ

рожденія т. е. такой человѣкъ, котораго вы поставте въ какую угодно обстановку, онъ все таки останется идіотомъ: его можно выдрессировать, сдѣлать его по внѣшности похожимъ на остальныхъ людей, но въ сущности онъ всегда будетъ идіотъ. Но если бы вы и не дали вѣры показанію экспертовъ, тѣмъ не менѣе нѣтъ данныхъ, чтобы придти къ убѣжденію, что идіотизмъ Всеволода Урусова явился вслѣдствіе жестокаго обращенія съ нимъ отца, потому что изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что Всеволодъ Урусовъ былъ привезенъ въ деревню къ дѣду, когда ему было всего 6 недѣль и оставался тамъ до 8—9 лѣтъ. За тѣмъ если мыдажеи повѣримъ Аннѣ Сытиной, что Всеволодъ Урусовъ не ходилъ собирать у нихъ милостыню, хотя Всеволодъ назвалъ тѣ деревни, гдѣ онъ христарадничалъ и припомнилъ какъ бабушка и дѣдушка дрались изъ занабранныхъ кусковъ, то и тогда мы имѣемъ слѣдующее драгоцѣнное свидѣтельское показаніе: свидѣтель Ратьковъ удостовѣрилъ, что Всеволодъ Урусовъ, взятый изъ деревни дѣда немедленно былъ отданъ въ пансіонъ г. Прагтесъ и оставался тамъ болѣе года, между тѣмъ по показанію той же Анны Сытиной,

врача Невскаго. Всеволодъ Урусовъ въ пансіонѣ былъ уже полнымъ идіотомъ. Этого обстоятельства совершенно достаточно чтобы помимо экспертизы убѣдиться въ томъ, что идіотизмъ Всеволода явился въ то время, кагда отецъ не могъ имѣть на него никакого влiянiя. За тѣмъ обратимся къ тому сравненiю, которое приведено прокуроромъ, къ сравненiю Всеволода Урусова съ мальчикомъ Ефимовымъ. Оба они одинаковое время, при одинаковой жизненной обстановкѣ, пробыли въ домѣ князя Урусова, ихъ одинаковы одѣвали, одинаково били и однако Иванъ Ефимовъ не сдѣлался идiотомъ не смотря на то, что онъ моложе Всеволода и слѣдовательно жестокое обращенiе должно было влiять на него гораздо хуже, напротивъ прокуроръ находитъ его вполнѣ умнымъ мальчикомъ. Это опять подтверждаетъ мое убѣжденiе, что идiотизмъ Всеволода Урусова не былъ послѣдствiемъ жестокаго обращенiя съ нимъ отца. Надѣясь по этому, что вы вторую часть обвиненiя отвергните, я перехожу къ разрѣшенiю перваго вопроса о томъ, можно ли признать князя Кирилла Урусова виновнымъ въ жестокомъ обращенiи съ сыномъ, въ истязанiи его. Преступленiе это предусмотрѣ-

по 1489 статьею уложенія. Но что такое истязанія, мученія—это неопредѣлено закономъ. Разъясненіемъ этого вопроса занималась кассаціонная практика и вотъ между прочимъ въ одномъ изъ кассаціонныхъ рѣшеній, именно въ рѣшеніи 1870 г. № 1413 разъяснено, что истязаніемъ должно считаться нанесеніе такихъ побоевъ, которые опаснѣе побоевъ, хотя и признаваемыхъ тяжкими, но не подвергающихъ жизнь опасности. Такимъ образомъ истязаніе какъ бы ставится между тяжкими побоями и такими побоями, которые угрожаютъ опасностью жизни. Если отецъ наказалъ сына розгами, то это не будетъ истязаніе. Если же сѣченіе нѣсколько разъ повторялось въ одинъ и тотъ же день или за разъ дано положимъ 500 розогъ, то подобное сѣченіе может принять даже характеръ истязанія, такимъ образомъ провести въ этомъ отношеніи границу чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ вопросъ осложняется тѣмъ, что подсудимый отецъ потерпѣвшаго. Нашъ законъ предоставляетъ родителямъ право предпринимать относительно дѣтей разныя домашнія исправительныя мѣры. Просторъ этой родительской власти довольно великъ и обусловли-

вается состояніемъ нашего общества, въ которомъ семейная жизнь, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, построена на правилахъ домостроя, т.-е. родители въ видахъ исправленія дѣтей, считаютъ себя въ правѣ дѣлать съ ними что угодно. Хотя этотъ взглядъ неправиленъ, но до тѣхъ поръ, пока онъ остается ся и не будетъ измѣненъ глубокимъ, серьезнымъ образованіемъ, до тѣхъ поръ нельзя подъ страхомъ наказанія требовать иного взгляда. По этому въ настоящемъ случаѣ весьма трудно разрѣшить: гдѣ граница между тѣмъ наказаніемъ, которое отецъ имѣлъ право предпринять въ отношеніи къ своему сыну изъ желанія исправить его и тѣми наказаніями, которыя слѣдуетъ считать истязаніемъ. Если вы признаете, что князь Урусовъ сѣкъ ремнемъ сына, наносилъ ему побои въ видахъ исправленія его имѣя право употреблять эти мѣры, если вы признаете, что эти дѣйствія подсудимаго ни какъ не могутъ быть поставлены выше тяжкихъ побоевъ, такъ какъ по свидѣтельскимъ показаніямъ Всеволодъ Урусовъ не разу не былъ боленъ, то тогда вы должны признать подсудимаго невиновнымъ. За тѣмъ, чтобы правильнѣе оцѣнить поступки князя К. Урусова, необходимо опре-

дѣлии, выяснить самую личность его. Изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній мы знаемъ, что въ трезвомъ видѣ онъ никогда не билъ ни сына, ни Ивана Ефимова; наказывалъ онъ ихъ только пьяный, а пьянъ онъ былъ чрезвычайно часто. Ахапкинъ говоритъ, что Кн. Урусовъ въ теченіи 7 мѣсяцевъ постоянно пьянствовалъ, а когда жена его уѣхала въ Москву, то пропилъ все и остался въ одной рубашкѣ. Другая домохозяйка, у которой также жилъ князь Урусовъ, показала, что въ теченіи 11 мѣсяцевъ онъ былъ трезвъ только недѣли двѣ; наконецъ свидѣтель Сиринъ заявилъ, что изъ пяти мѣсяцевъ, которые прожилъ у него Урусовъ, онъ только былъ два дня трезвъ. Такимъ образовъ всѣ дѣянія, въ которыхъ обвиняется князь Урусовъ, если и совершены имъ, то въ состояніи болѣзненномъ, именно въ состояніи запоя, хотя пьянство и дурной порокъ, но я думаю всякій согласится, что запой есть болѣзнь. Что же довело его до этого безъисходнаго положенія? Что бы отвѣтить на это, необходимо обратить вниманіе на обстановку самаго Князя Урусова. У него отецъ, какъ видно изъ показанія Ратькова, былъ человѣкъ богатый, имѣвшій

1100 душъ крестьянъ и получавшій по меньшей мѣрѣ 8 т. дохода: что же сдѣлалъ онъ для сына своего, который сидитъ теперь на скамьѣ подсудимыхъ, что онъ далъ к. Урусову, чтобы общество было вправѣ требовать отъ него исполненія всѣхъ гражданскихъ обязанностей? Ровно ничего. Онъ сбылъ его въ кадетскій корпусъ и потомъ не разу невспомнилъ объ немъ до тѣхъ поръ, пока печальный случай не напомнилъ ему о существованій сына. Кириллъ Урусовъ нагрубилъ начальнику и былъ выгнанъ за это изъ корпуса. Вмѣсто того чтобы помочь разъ споткнувшемуся сыну, грубый отецъ посылаетъ ему одни только проклятія. Тотъ поступаетъ юнкеромъ въ полкъ, а положеніе бѣднаго юнкера, хуже чѣмъ положеніе всякаго солдата: ему, сыну князя, имѣющаго значительное богатство, совѣстно было стать на одну ногу съ солдатомъ, а обставить себя иначе онъ не могъ, потому что не имѣлъ ни копѣйки денегъ. Вотъ несчастіе, которое повліяло на всю его жизнь. Въ корпусѣ онъ не учился не чему, чтобы можно было приложить къ жизни, кое какъ онъ пробивался нѣсколько лѣтъ; наконецъ счастье ему не много улыбнулось: братъ его слу-

жившій офицеромъ въ Херсонѣ, переводитъ его къ себѣ и тамъ они, княжескія дѣти, живутъ вмѣстѣ на 18 руб. въ мѣсяцъ. Я говорю *улыбнулось счастіе*, потому, что въ сравненіи со всею предъидущею и послѣдующею жизнью, въ Херсонѣ онъ дѣйствительно жилъ счастливо. За тѣмъ самодуру-отцу вздумалось вытребовать дѣтей къ себѣ. Дѣти радуются, что отецъ вспомнилъ объ нихъ, спѣшатъ исполнить его волю, подаютъ въ отставку и просятъ прислать денегъ на дорогу. Послѣднее разсердило отца. Онъ ни чего не послалъ и даже ничего не отвѣтилъ дѣтямъ. Проживъ кое какъ нѣкоторое время въ Херсонѣ, Кириллъ Урусовъ рѣшается идти пѣшкомъ въ Кострому; дорогою, благодаря княжескому титулу, онъ попадаетъ въ кутузку, потомъ освобожденный опять продолжаетъ дорогу и наконецъ добирается до дому. Но здѣсь опять нѣтъ для него ни ласкъ, ни вниманія, ни копѣйки денегъ, опять жизнь изъ милости. Оборванный, онъ ни куда не могъ появится и вотъ съ горя онъ начинаетъ пить. За тѣмъ случилось новое несчастіе, отецъ его выгналъ вонъ. Чтобы сколько нибудь поправить свое положеніе, онъ рѣшается жениться, надѣясь, что

княжескій титулъ поможетъ ему найти невѣсту съ приданнымъ, что бы жить потомъ независимо порядочнымъ человѣкомъ. Какъ на грѣхъ онъ сходится съ Сытинымъ, беретъ побочную дочь его, но тесть не исполняетъ своего обѣщанія, не даетъ ему приданаго и князь Урусовъ оказывается еще болѣе въ худшемъ положеніи, потому что прежде онъ былъ одинъ, а теперь съ женою и потомъ еще съ дѣтьми; такимъ образомъ рушилась послѣдняя его надежда на поправку состоянія; ему выдаютъ сначала по 5 рублей въ мѣсяцъ, а потомъ по 35. Конечно на пять рублей нельзя было жить и вотъ источникъ долговъ, причина выдачи жидамъ векселей по 50 руб. за рубль. Ему, не приученному ни къ чему, оставалось только одно горе, горе безъисходное, при сознаніи, что по рожденію и пó праву на полученіе отъ отца состоянія, онъ могъ бы жить гораздо лучше. Вотъ коренная причина его пьянства, причина, которая довела его до рожденія идіота сына и до скамьи подсудимыхъ. Если вы признаете его виновнымъ, то мнѣ кажется потребуете отъ человѣка невозможнаго, потому что жать можно только тамъ, гдѣ что нибудь посѣяно; гдѣ поса-

жена картофель, тамъ рожь никогда невыростетъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: если вы признаете подсудимаго виновнымъ, то признаете не за то, что онъ иногда билъ сына, а за то, что попалъ въ несчастную обстановку, изъ которой онъ выбиться не могъ и которая довела его до пьянства и до скамьи подсудимыхъ; вы признаете виновнымъ не его, а его отца, дѣда потерпѣвшаго Всеволода Урусова.

Стороны еще разъ обмѣнялись возраженіями.

Подсудимый ничего не прибавилъ въ свое оправданіе.

На разрѣшеніе присяжныхъ предложены были слѣдующіе вопросы:

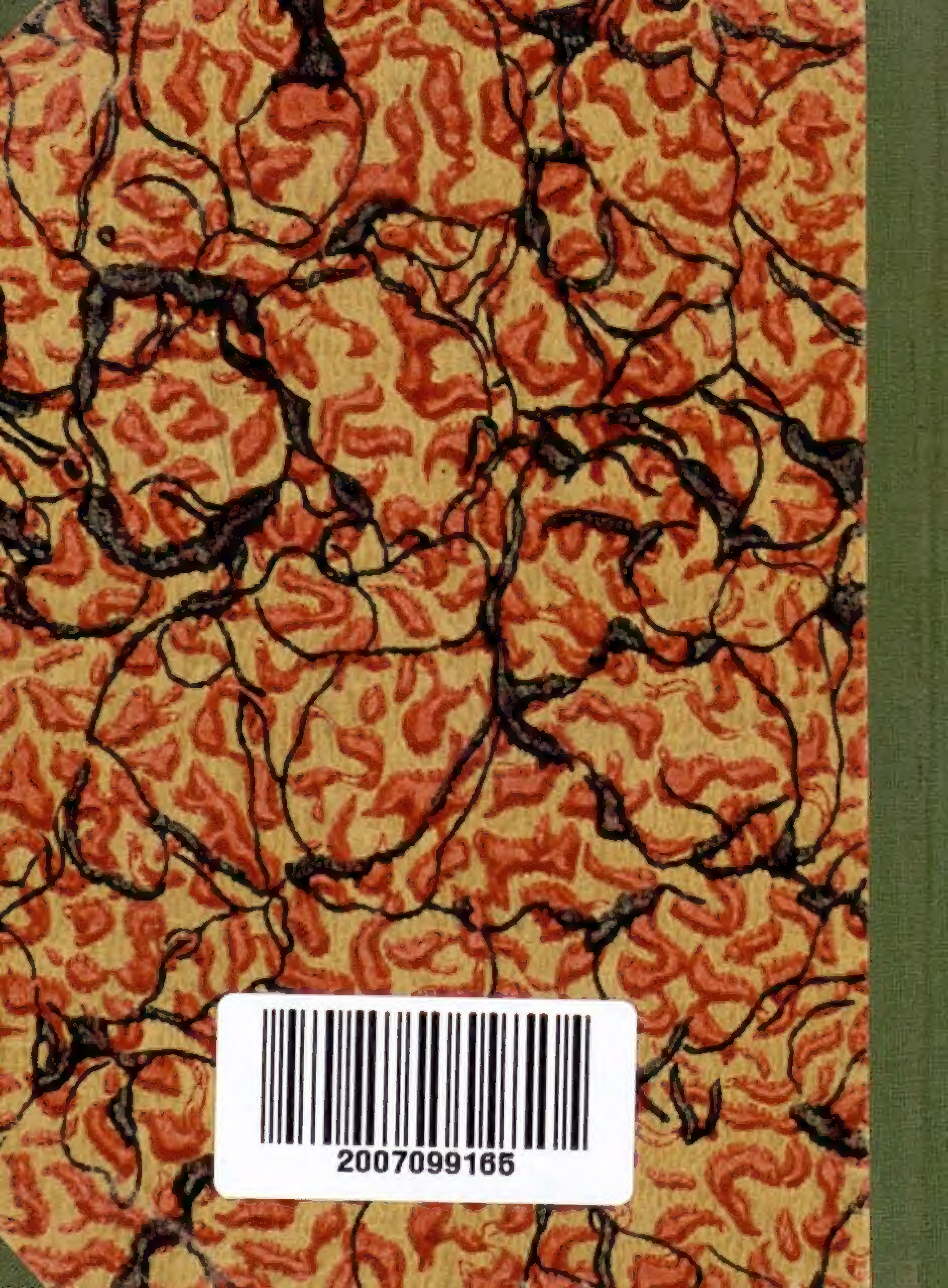
1) Виновенъ ли Коллежскій Регистраторъ князь Кириллъ Михайловичъ Урусовъ, 48 лѣтъ, въ томъ, что проживая въ продолженіи послѣднихъ 5—6 лѣтъ съ сыномъ своимъ Всеволодомъ, неоднократно наносилъ ему побои чѣмъ ни попало, употребляя для этого сучковатую палку, полѣно, ремень, иногда выгонялъ его зимою безъ должной одежды на улицу, такъ что отъ замерзанія спасали его только случайно проходившіе люди и чтобы лишить сына своего Всеволода воз-

можности защищаться отъ побоевъ, связывалъ ему назадъ руки, морилъ нерѣдко голодомъ, отъ котораго спасали сосѣди, подавая ему кусокъ хлѣба.

2) Если подсудимый виновенъ по первому вопросу, то небыло ли послѣдствіемъ такого обращенія съ сыномъ Всеволодомъ, лишеніе умственныхъ способностей его Всеволода.

Присяжные засѣдатели отвѣтили на первый вопросъ: „да, виновенъ, но не употребляя сучковатой палки и полѣна и по обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ снисхожденія"; на второй вопросъ: „нѣтъ, небыло"

Судъ приговорилъ: подсудимаго, по лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Енисейскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки съ назначеннаго мѣста жительства въ продолжені.. трехъ лѣтъ и потомъ выѣзда въ другія области и губерніи Сибири въ продолженіи десяти лѣтъ. Приговоръ этотъ, прежде приведенія въ исполненіе, представить черезъ Министра Юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

2007099165